

торикам и краеведам, но также могут быть адресованы и широкой публике, интересующейся историей «зимней» и Великой Отечественной войны.

VII. Хроника.

Н. П. Евдокимова, А. А. Петрова

Владимир Георгиевич Ревуненков /1/

13 сентября 2011 года исполняется 100 лет со дня рождения Владимира Георгиевича Ревуненкова, выдающегося советского, российского историка, профессора, в течение более 30 лет возглавлявшего кафедру истории нового и новейшего времени Исторического факультета Ленинградского - Санкт-Петербургского университета.

Специалистам-историкам и любителям истории хорошо известны и имя профессора Владимира Георгиевича Ревуненкова, его жизненный путь и конечно же его научные труды, посвящённые истории Великой французской революции конца XVIII в. и другим событиям и эпохам в истории стран Западной Европы и Америки. О В. Г. Ревуненкове писали много и охотно и его почитатели-ученики, и его оппоненты, среди которых были те, кто пытался, может быть не всегда добросовестно, разобраться в сути спора, разделявшего московскую и ленинградскую школы историков в изучении истории Великой французской революции. Первую возглавлял А. З. Манфред, основателем второй был В. Г. Ревуненков.

Казалось, при обилии материалов о В. Г. Ревуненкове нет необходимости вновь о нем писать. Но новые обстоятельства - столетний юбилей и оформление личного архива ученого, переданного его сыном, В. В. Ревуненковым, на хранение в Архив Российской Академии наук, побуждают нас вновь обратиться к личности, жизненному пути и научному творчеству историка.

В. Г. Ревуненков родился 13 сентября 1911 г. в семье мелкого служащего в Петербурге. Его отрочество и юность, становление личности пришлось на 20-е годы XX в., когда Россия

преодолевала разруху, ставшую следствием Первой мировой войны, революций и гражданской войны. Страна строилась и создавала новое поколение своих активных граждан. Владимир Георгиевич в полной мере воспользовался теми возможностями, которые дала новая, советская, власть таким же, как он, выходцам из низов. Рано начав трудовую жизнь на машиностроительном заводе, он реализовал свою тягу к знаниям в фабрично-заводском училище, а также участвуя в создании стенной газеты на своем предприятии, работая в комсомольском бюро, занимаясь в кружке ОСОАВИАХИМа. Он много читал и ежедневную прессу, и серьезную литературу. Щедро делился информацией и приобретенными знаниями со своими товарищами по работе.

В 1929 г. по путевке Выборгского райкома комсомола в составе «комсомольской тысячи» В. Г. Ревуненков был направлен на учёбу в педагогический институт имени А. И. Герцена. После краткосрочных подготовительных курсов он успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом общественно-экономического отделения института. Владимир Георгиевич учился у таких великолепных ученых и педагогов, как профессора С. С. Горловский, А. Е. Кудрявцев, Я. М. Захер и многие другие. Влияние этих ученых, читавших лекционные курсы по всеобщей истории, в частности, по истории английской буржуазной революции середины XVII в. (А. Е. Кудрявцев), Великой французской революции конца XVIII в. (Я. М. Захер), истории немецкой социал-демократии (С. С. Горловский) проявилось в глубоком интересе В. Г. Ревуненкова к истории стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время, который будет присущ Владимиру Георгиевичу на протяжении всей его научной и педагогической деятельности. Преподаватели же заметили его недюжинные способности к научной работе: ему предложили стать аспирантом Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) по кафедре новой и новейшей истории. Здесь В. Г. Ревуненков встретился с целой

плеядой талантливых ученых: в ЛИФЛИ тогда преподавали А. И. Молок, известный специалист по истории Франции, автор ряда работ по истории Парижской коммуны 1871 г.; Я. М. Захер, специалист по истории парижских секций и крайних движений (движения «бешеных») в эпоху Великой французской революции; П. П. Щеголев, знаток истории Западной Европы XVI - XVII вв., и конечно академик Е. В. Тарле, человек безгранично преданный науке, обладавший разносторонними энциклопедическими знаниями, талантливый исследователь, которому были свойственны, как отмечал позже В. Г. Ревуненков, и глубокий анализ, и подлинно художественная манера изложения материала лекций /2/.

Темой кандидатской диссертации В. Г. Ревуненкова стала германская история второй половины XIX в.: он занялся исследованием истории конституционного конфликта 1862 г. в Пруссии, приведшего к власти Отто фон Бисмарк. В мае 1937 г. на историческом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Владимир Георгиевич защитил кандидатскую диссертацию «Политический кризис 1862 года в Пруссии». Официальными оппонентами по диссертации были Е. В. Тарле и А. И. Молок - академик и профессор. Успешная защита, одобрительные отзывы о диссертации молодого ученого со стороны столь маститых ученых открывали ему дорогу в будущее.

В 1939 г. В. Г. Ревуненков стал доцентом кафедры новой и новейшей истории исторического факультета ЛГУ. Спустя два года была опубликована его первая монография «Приход Бисмарка к власти (политическая борьба в Пруссии в 1859 - 1862 годах)», в основу которой была положена кандидатская диссертация /3/. В эти годы В. Г. Ревуненков публикует и пропагандистско-просветительские статьи, посвященные различным проблемам истории - Парижской коммуне 1871 г., Первой мировой войне, ревизионизму, краху Версальской системы, якобинцам эпохи Великой французской революции /4/ и т. д.

Затем на долгие 12 лет жизнь и научное творчество В. Г.

Ревуненкова оказались связанными с Армией. Вначале он преподавал в Высшей военно-политической школе под Ленинградом, а когда началась Великая Отечественная война, В. Г. Ревуненков в качестве лектора был направлен в распоряжение Политуправления Тихоокеанского флота. Спустя два года, когда Высшая военно-политическая школа перебазировалась в Москву, В. Г. Ревуненков был отозван из Владивостока, зачислен доцентом кафедры международной политики этой школы, где он преподавал до конца войны. Оружием В. Г. Ревуненкова в Великой Отечественной войне, его вкладом в дело Великой Победы стало участие в подготовке политработников для Красной Армии.

После окончания войны В. Г. Ревуненков в течение еще нескольких лет преподавал в высших военных учебных заведениях Москвы и Ленинграда. Здесь он возобновил и свою исследовательскую деятельность, обратившись к проблемам истории европейской дипломатии середины XIX века. В 1951 г. на Историческом факультете ЛГУ В. Г. Ревуненков защитил докторскую диссертацию на тему «Польский вопрос и дипломатическая борьба в Европе в конце 50-х и начале 60-х годов XIX века». Расширенный вариант этой диссертационной работы также был опубликован /5/. В Ленинградский университет В. Г. Ревуненков вернулся в 1952 г. в качестве доцента. Здесь он стал профессором кафедры истории нового и новейшего времени, а в 1957 г. был избран заведующим этой кафедрой. В конце 1950-х - начале 1960-х гг. он активно участвовал в подготовке к изданию учебников и учебных пособий по новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки для школьников, учителей и студентов высших учебных заведений: был редактором некоторых из этих изданий и автором большого числа глав по истории стран Западной, Центральной и Восточной Европы и Латинской Америки в каждом из них /6/. Владимир Георгиевич был также автором разделов по истории Италии в «Очерках истории Италии», изданных под редакцией профессора М. А. Гу-

ковского /7/. Одним из первых российских историков он написал опубликованный в 1963 г. учебник по новейшей истории стран Латинской Америки /8/.

В середине 1960-х гг. В. Г. Ревуненков обратился, наконец, к теме, которая с этого времени станет главной в его научном творчестве - истории Великой французской революции. Выше уже упоминалась небольшая статья В. Г. Ревуненкова о якобинцах, которая была для него первым прикосновением к проблематике этой революции /9/. Концептуально эта статья была вполне адекватна представлениям о якобинцах, сложившимся в российской историографии. Согласно этим представлениям якобинская диктатура была революционно-демократической диктатурой низов. В завершённом виде это мнение, высказанное Н. М. Лукиным, выкристаллизовалось в концепцию Н. М. Лукина - А. З. Манфреда, согласно которой якобинская диктатура была революционно-демократической диктатурой низов, поскольку якобинцы были партией мелкой буржуазии, которую поддерживала беднота города и деревни (Н. М. Лукин), или партией блока мелкой и средней буржуазии, крестьянства и тогдашних рабочих (А. З. Манфред).

В 1966 г. из печати вышла монография В. Г. Ревуненкова «Марксизм и проблема якобинской диктатуры (историографический очерк)», ставшая новым словом в отечественной историографии французской революции конца XVIII в. Особенность этой, как и всех последующих работ Владимира Георгиевича по истории Великой французской революции состоит в том, что он впервые в отечественной историографии изучил все, написанное классиками марксизма по интересующему историка вопросу, кто рассмотрел их взгляды на исторические события в развитии, с позиций строгого историзма. В отличие от своих предшественников, В. Г. Ревуненков не абсолютизировал взгляды ранних К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Он проследил процесс формирования, изменения, развития взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на проблему якобинской дикта-

туры на разных этапах их общественно-политической деятельности и в связи с состоянием современной им науки. Кроме того, основываясь на более обширной, чем у его предшественников, источниковой базе и достижениях современной историографии, прежде всего французской, следуя принципу историзма, В. Г. Ревуненков тщательно проанализировал и работы советских историков. В результате этого анализа ученый наряду с господствовавшей в советской историографии концепцией якобинской диктатуры как диктатуры блока революционной буржуазии и санкюлотских масс (якобинского Конвента и Коммуны Парижа), выявил и наличие иной точки зрения, согласно которой в период якобинской диктатуры существовало двоевластие: Конвент и его комитеты представляли собой власть буржуазии, а секции и Коммуна Парижа олицетворяла собой народную, санкюлотскую власть. Двоевластие при этом рассматривалось как важная черта всей системы революционного правления, а парижские секции как принципиально новая форма власти. Эта точка зрения наилучшим образом, как полагал В. Г. Ревуненков, отражала реалии высшего этапа Великой французской революции. Вот почему он воспринял эту точку зрения, и в дальнейшем, в последующих своих работах, развил её в новую концепцию якобинской диктатуры.

Историографический анализ проблемы якобинской диктатуры стал своего рода прологом к дальнейшему, более тщательному изучению собственно истории Великой французской революции. Одна за другой стали выходить работы Владимира Георгиевича, посвященные исследованию различных проблем истории и историографии французской революции конца XVIII в.: монографии «Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции» (1971 г.), «Парижская Коммуна. 1792 - 1794» (1976 г.) и серия статей /10/. В этих работах В. Г. Ревуненков тщательно проанализировал социальный состав, идеологию (санкюлотское понимание демократии), тактику, политические организации парижских санкюлотов, их отношения с

якобинцами и сделал вывод о том, что якобинская диктатура действительно была диктатурой, но не диктатурой низов с признаками ей якобы антибуржуазными чертами, а именно буржуазной диктатурой, направленной как на подавление роялистско-жирондистской контрреволюции, так и на обуздание санкюлотского движения. Зачатком же демократической власти низов он считал Коммуну Парижа и ее секции. По мнению ученого в период якобинской диктатуры существовало двоевластие: с одной стороны буржуазная диктатура, воплощенная в Конвенте, а с другой - Коммуна Парижа и ее секции, олицетворявшие власть санкюлотов.

Работы профессора В. Г. Ревуненкова свидетельствовали о появлении в нашей стране ленинградской школы в изучении истории Великой французской революции, отличающейся от московской школы, школы Н. М. Лукина - А. З. Манфреда, трактовкой кардинальных проблем революции.

Исследования В. Г. Ревуненкова по истории Великой французской революции, предложенные им концепция и оценки якобинской диктатуры и Парижской Коммуны 1792 - 1794 гг. и других проблем этой революции, переворот, который он совершил в советской историографии этой революции, вызвали разноречивые отклики - чаще неодобрительные в нашей стране и весьма похвальные за рубежом. Одобрительно откликнулись на труды В. Г. Ревуненкова крупнейший специалист по истории французской революции немецкий историк В. Марков и польский учёный М. Скршипек, а также некоторые советские ученые, в частности А. И. Молок. /11/ И. С. Галкин о книгах В. Г. Ревуненкова «Парижские санкюлоты» и «Парижская коммуна. 1792 - 1794» позже писал, как об «оригинальных по замыслу и выполнению исследованиях», которые «вносят существенный вклад в изучение острейшей борьбы парижских санкюлотов в эпоху Французской буржуазной революции конца XVIII в.» /12/. Были и ученые, которые, может быть не вполне разделяя точку зрения В. Г. Ревуненкова, все же находили в ней и элементы, заслужи-

вающие внимания. Об этом, в частности, в дискуссии по проблемам якобинской диктатуры, организованной в мае 1970 г. сектором истории Франции Института всеобщей истории, говорили С. Л. Сытин, Л. С. Гордон. А. В. Адо, например, отметил, что «вызывают интерес» некоторые наблюдения В. Г. Ревуненкова, что «они побуждают к новым размышлениям над проблемами» /13/. Еще раньше А. В. Адо в разговоре со своим учеником А. В. Гордоном о книге В. Г. Ревуненкова заметил, что это «все-таки работа серьезная» /14/.

Однако в целом взгляды В. Г. Ревуненкова натолкнулись на категорическое непонимание, неприятие со стороны приверженцев «московской школы» историков: А. З. Манфред, В. М. Далин и др. продолжали отстаивать старую версию оценки деятельности якобинцев, перенесли научную дискуссию в политико-идеологическую плоскость, упрекая учёного в «ревизии» взглядов В. И. Ленина /15/, что в советские времена было далеко не безобидным обвинением. Критика идей профессора В. Г. Ревуненкова была далека от корректности. Его, опубликовавшего к тому времени три монографии и более двадцати статей по различным проблемам истории Великой французской революции, назвали даже «не специалистом по истории Французской революции» /16/.

Критика, ни её формы, ни её суть, не сломала профессора В. Г. Ревуненкова. Он проявил спокойствие, хладнокровие, стойкость. Он не вступал в полемику со своими критиками, продолжал исследование избранной темы, понимая, что лучшим аргументом в научном споре могут быть новые работы по истории Великой французской революции. Но и тогда, и тем более сейчас ясно, что за дискуссией по вопросам якобинской диктатуры стояли две разные позиции: с одной стороны, позиция диктатора, намерение утвердить в науке единомыслие, с другой - желание сохранить и отстаивать свое право на свободу мнения; с одной стороны, идеология, с другой - наука. Назвать спустя годы эту дискуссию «идеологической склокой», как это сделано в

очень неплохой статье С. Е. Летчфорд /17/, нам представляется некорректным.

Между тем, за исследованиями, посвященными отдельным важным проблемам французской революции конца XVIII в., последовал обобщающий труд Владимира Георгиевича: «Очерки по истории Великой французской революции» в двух частях: «Падение монархии. 1789 - 1792» и «Якобинская республика и её крушение», опубликованные в 1982 - 1983 гг. Затем, в 1989, 1996 и 2003 гг. вышли в свет второе, третье и четвёртое дополненные издания «Очерков» (каждое из этих переизданий - в одном томе). Издание 2003 г. вышло под названием «История Французской революции». В «Очерках» выработанная учёным концепция была аргументированно проиллюстрирована на «пространстве» всей революции - от её начала до конца.

На основе обширного фактического материала, накопленного наукой за последние десятилетия, с позиций историзма автор «Очерков» представил читателю целостную картину развития Великой французской революции, оригинально трактуя многие проблемы этого грандиозного события во всемирной истории. Ещё раньше В. Г. Ревуненков обращался к вопросу о периодизации и о хронологических рамках этой революции /18/. В «Очерках» он возвращается к этому вопросу. Автор аргументированно оспаривает тенденцию, возобладавшую в новейшей французской историографии, делить всю революцию на ряд вполне самостоятельных революций («революция 14 июля», «революция 10 августа», «революция 2 июня» и т. д.) или автономных революций, то есть таких революций, которые совпадают во времени, но развиваются вполне самостоятельно («дворянская революция», «буржуазная революция», «крестьянская революция», «санкюлотская революция»). Оспаривает он и мнение крупнейшего французского историка А. Матьеза, который переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) считал концом революции, а не гранью между восходящим и нисходящим периодами её развития.

Вместе с тем, В. Г. Ревуненков выражает несогласие и с теми российскими историками, которые полагали правомерным оканчивать Великую французскую революцию 1799 годом, государственным переворотом 18 брюмера, выделяя, таким образом, «наполеоновскую эру» (1799 - 1814 гг.) в особый период политического развития Франции. Свои «Очерки» В. Г. Ревуненков логически завершает анализом «наполеоновской эры». Вот как сам он объясняет необходимость включения этого сюжета в свой рассказ о Французской революции: «Подобно тому, как аристократическая “предреволюция” 1787 - 1788 гг. послужила своеобразной прелюдией к Французской революции, так и “наполеоновская эра” 1799 - 1814 гг. стала ее цезаристским завершением» /19/. Наполеон, как пишет автор, в известном смысле слова справедливо считал себя наследником и завершителем революции /20/. Главной из «наполеоновских идей», по мнению автора, была «идея о необходимости остановить слишком уже затянувшуюся революцию, остановить на основе признания важнейших социальных завоеваний» /21/. И эта идея была реализована. «Именно Наполеон, этот ”Робеспьер на коне”, - пишет ученый, - практически закрепил и облек в классически ясные и четкие юридические нормы новый социальный строй, сложившийся в результате Французской революции, не строй свободы, равенства и братства, как это представлялось революционным борцам, а куда более прозаический буржуазный строй, покоящийся на частной собственности, имущественном неравенстве, наемном труде» /22/. В период развития революции по нисходящей линии (от 9 термидора до 18 брюмера, т. е. от 27 июля 1794 г. до 9 ноября 1799 г.) буржуазия в подавлении народного движения, отстранении народных масс от участия в управлении государством, ограничении демократических прав и свобод, видела гарантию своих социальных привилегий. Но этим, пишет автор, она проложила путь сначала к империи Наполеона, еще буржуазной по своей сути, а затем и к реставрации полуфеодалной монархии Бурбонов. «Наполеоновскую эру» (1799 -

1814), как полагает В. Г. Ревуненков, нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее. «Режим Наполеона, - пишет В. Г. Ревуненков в своих «Очерках», - это действительно «бонапартистская контрреволюция», которая, с одной стороны, ликвидировала ... последние остатки демократических свобод, превратила в фикцию и конституцию, и права законодательных органов, ликвидировала ... и республику, но вместе с тем сохранила и упрочила важнейшие завоевания революции в социально-экономической области, чем обеспечила себе широкую поддержку и среди буржуазии, и среди крестьянства» /23/.

«Очерки по истории Великой французской революции» ценны тем, что перед читателем - и специалистом, и любителем истории - предстает целостная картина развития революции, события и герои этой революции охарактеризованы ярко, образно, убедительно.

Завершающим аккордом более чем тридцатилетнего периода исследований В. Г. Ревуненковым истории Великой французской революции стало его включение в дискуссию о роли и месте одного из главных персонажей революции - Наполеона Бонапарта и созданного им режима в истории Франции и Европы: в 1999 г. была опубликована работа ученого «Наполеон и революция. 1789 - 1815», а в 2001 г. - её новый вариант: «Взлёт и падение Наполеона Бонапарта». Ученый убедительно спорит с теми историками, кто определял Наполеона как «удушителя» революции, а наполеоновский режим как «диктатуру контрреволюционной буржуазии» (Е. В. Тарле и историки школы Лукина - Манфреда), и современными авторами, идеализирующими Наполеона, изображающими его как политического деятеля, который «предвосхитил интеграционные процессы, идущие сейчас в Европе» /24/.

Автор разделяет мнение К. Маркса и Ф. Энгельса, которые считали Наполеона не только «разрушителем», но и «строителем»: «разрушителем» «шатких республиканских конструкций власти, которые ещё уцелели на нисходящем этапе ре-

волюции, и “строителем” нового буржуазного социального строя, созданного конечно революцией, но прочно ставшего на ноги лишь при Наполеоне с его Гражданским кодексом». В подходе Маркса и Энгельса к наполеоновскому режиму В. Г. Ревуненков вновь отмечает присущее им чувство историзма, конкретный анализ, признание за режимом Наполеона определённых прогрессивных черт /25/. Эти качества, отмечает учёный, не были свойственны многим советским историкам.

Размышляя о сути и историческом значении феномена Наполеона, о бонапартизме, профессор В. Г. Ревуненков высказывает мнение о необходимости отказаться от однозначной оценки бонапартизма как реакционного явления. Историк отмечает двойственную роль режима Наполеона: с одной стороны, отмечает автор, он подавил демократическое движение внутри страны, а с другой - устранил внешнюю опасность, так как военная мощь европейских государств еще не была сломлена и представляла опасность для социально-экономических завоеваний периода революции. На примере трех революций - Английской буржуазной революции середины XVII в., Великой французской революции конца XVIII в., Октябрьской революции 1917 г. в России, а также многих других политических событий XX века он демонстрирует необходимость взвешенного подхода к оценке событий и явлений и учета их конкретно-исторического контекста /26/.

Отметив, что «тема “Наполеон” была и остается одной из наиболее актуальных в исторической науке», автор видит свою задачу не в том, чтобы воссоздать биографию Наполеона и его «историю в широком плане», а в том, чтобы «проследить все сложные, противоречивые пути-дороги этого героя-воина в революции, проследить все его дальнейшие метаморфозы и попытаться нарисовать его *политический портрет* не одной лишь чёрной краской и не в романтических тонах, а с позиций строгого реализма, не приукрашивая суровой правды жизни» /27/. Проведя своего героя через все этапы революции, через все

важные события внутри- и внешнеполитической жизни Франции, В. Г. Ревуненков убедительно проиллюстрировал своё мнение о двойственной роли Наполеона и созданного им режима в политических событиях того времени.

Изучению проблем истории Великой французской революции В. Г. Ревуненков отдал более 30 лет. Однако эта тема не была единственной в его исследовательской работе. Для всего его научного творчества было характерно умение по-новому взглянуть на хорошо изученные проблемы и строгое следование принципу историзма. Исследование тех или иных проблем - конституционного конфликта в Пруссии, польского восстания 1863 г. и позиции европейской дипломатии, английской буржуазной революции середины XVII в., июньского восстания 1848 г. в Париже, итальянского Рисорджименто или истории стран Латинской Америки - сопровождалось открытиями, которые выражались в новой интерпретации, новой оценке событий и явлений мировой истории. Именно он первым в советской историографии подверг сомнению тезис о том, что именно английская революция XVII в. положила конец феодальному строю в Англии и открыла собой новую эпоху ее истории - эпоху господства капитализма. Он высказал мысль об ограниченности и незавершенности этой революции. Он пришел к выводу о том, что «историческое значение этой революции заключается... в том, что благодаря даже частичной, неполной победе буржуазии были в огромной степени усилены, форсированы те процессы, которые развертывались еще до революции... которые подготовляли превращение капитализма из уклада разлагающегося феодального общества в господствующий способ производства» /28/. Что касается июньского восстания 1848 г. в Париже, то В. Г. Ревуненков здесь опирался на работы французских историков, исследовавших данные парижского Национального архива, проанализировавших социальный состав участников событий. Он писал, что эти новые данные «заставляют внести весьма существенные коррективы в наше традиционное представление об

этом восстании», суть которых состоит в том, что «против буржуазного правительства выступили не одни рабочие, но и довольно широкие круги мелких собственников. Это было выступление народных «низов» с формирующимся рабочим классом во главе» /29/.

Владимир Георгиевич был одним из крупнейших российских специалистов по новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки, одним из немногих знатоков истории стран этих регионов энциклопедического уровня.

Своими работами, прежде всего по истории Великой французской революции, В. Г. Ревуненков показал, что марксистская методология исторического исследования имеет право на существование, что свобода творчества возможна и внутри этой теории и этой методологии, если свободен сам исследователь. Он попытался освободить марксистский подход к изучению истории от идеологически ангажированных интерпретаций, созданных советскими обществоведами в 20-е - 30-е гг. XX в. Он выступал против тотальной подмены идеологическими схемами анализа исторических фактов. Это не значит, что В. Г. Ревуненков не видел и не признавал других методов и методик исследования. Своим ученикам он позволял быть в этих вопросах самостоятельными: главным для него было умение автора аргументированно доказать свою точку зрения, привести убедительные доказательства возможной неоднозначности оценки того или иного события или персонажа. Этим умением понимать и уважать иную точку зрения он особенно запомнился своим ученикам и коллегам.

В силу своей сдержанности, необычайной застенчивости и скромности, казалось, В. Г. Ревуненков скорее должен был стать академическим, кабинетным ученым. Однако общение со студенческой аудиторией, преподавание было для него таким же приоритетом, как и научные изыскания. Его отличала острая потребность передать свои знания, свою любовь к научному поиску студентам, молодым коллегам, любой другой аудитории,

проявляющей интерес к истории. В течение всех лет работы в Университете он охотно и увлеченно читал лекционные курсы по новой истории стран Западной Европы и Америки от середины XVII в. до 1870 года, по историографии, истории Франции, истории международных отношений и многие другие. Лекции Владимира Георгиевича были образцом прекрасного отбора выверенного научного материала, логики, убедительности, композиционной завершенности. Лекторский стиль его отличался логикой, простотой в изложении самого сложного материала, нетривиальностью в постановке проблем, убедительной аргументацией.

У В. Г. Ревуненкова было много учеников. Тематика их курсовых, дипломных, а затем и диссертационных работ отличалась необычайным разнообразием - история разных стран и разных континентов; проблематика - от экономики до культуры и военной истории, с временными рамками от XVIII до конца XX вв. Ученики всегда получали квалифицированную помощь от своего руководителя. Одобрение В. Г. Ревуненковым научного труда (диссертации, статьи, монографии) любого молодого ученого означало знак высокого качества. Он воспитывал в своих учениках, среди которых много и кандидатов, и докторов наук, преданность науке, стремление к поиску истины, он был всегда терпим к иной точке зрения, даже если она радикально расходилась с его собственным мнением. Критерием для него здесь могли быть только достоверность фактов и доказательность.

Владимир Георгиевич, будучи избранным на пост заведующего кафедрой истории нового и новейшего времени Исторического факультета ЛГУ в 1957 г., до 1989 г. возглавлял кафедру. Под его руководством кафедра превратилась в одну из ведущих кафедр факультета; здесь сложился высокопрофессиональный коллектив людей, объединенных любовью к научному творчеству и преподавательскому труду. В. Г. Ревуненкова как руководителя отличал демократизм, который проявлялся и в

признании права на личное мнение для всех, и в способах принятия решений. Он нередко говорил, что при обсуждении всех возникающих проблем следует придерживаться суворовского принципа - выслушивать мнение вначале младших (по возрасту, положению, званию), затем старших. Взвешенное решение становилось результатом именно такого обсуждения. Он не считал зазорным во всех нередко возникающих трудных ситуациях в учебном процессе советоваться с младшими коллегами, своими недавними студентами. Но мог сказать и *своё* решающее слово в споре, если рецензенты расходились в оценке той или иной рукописи, не желая взять на себя ответственность за принятие решения. Взглядом опытного редактора он просматривал рукопись и выносил свой вердикт - печатать или дорабатывать. Любой текст рукописи, достойный публикации, но обладавший стилистическими или иными погрешностями, после его точного редакторского карандаша приобретал почти совершенный вид. А его слова «Я доволен (удовлетворен) вашей работой» в адрес молодых преподавателей, лекции или семинарские занятия которых он посещал, были и оценкой Мэтра и стимулом к совершенствованию.

Владимир Георгиевич Ревуненков был широко образованным человеком, хорошо знавшим и литературу, и театр. Он особенно любил французскую литературу, увлеченно читал романы Дюма. А как он говорил о драме Ф. Шиллера о Валленштейне! Он был и страстным футбольным болельщиком. В любую, даже самую дождливую погоду его можно было видеть на трибунах стадиона.

Владимир Георгиевич был весьма скромным, непритязательным в быту человеком. Он редко выезжал за пределы Ленинграда - Петербурга. Однако от путешествия на теплоходе по Волге в середине 1970-х гг. он был в восторге. И потому, что немного подлечился и ещё более оттого, что его рассказ о Великой французской революции конца XVIII в. был не только с интересом выслушан и пассажирами и членами команды теплохо-

да, но и настолько заинтересовал слушателей, что они засыпали профессора вопросами.

В декабре 2011 г. кафедра новой и новейшей истории планирует провести научную конференцию «Актуальные проблемы истории нового и новейшего времени: памяти наших Учителей - создателей ленинградской-петербургской школы историков». Эта конференция будет посвящена 100-летию юбилею выдающегося ученого В. Г. Ревуненкова и 90-летию юбилеям целой группы учёных, работавших на кафедре.

1. В основе настоящей статьи текст, опубликованный авторами в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» в 2005 г. (Серия 2, вып. 2), переработанный и дополненный.
2. См.: Ревуненков В. Г. Кафедра новой и новейшей истории. // Вопросы истории исторической науки: Сб. статей. Л., 1984. С. 55.
3. Ревуненков В. Г. Приход Бисмарка к власти (политическая борьба в Пруссии в 1859 - 1862 гг.). Л.: Изд. ЛГУ, 1941.
4. См.: Ревуненков В. Г. 1). Парижская коммуна. // Ленинградская правда. 1939, 18 марта; 2). Парижская коммуна (историческая справка). // Пропаганда и агитация. 1939, № 4. С. 37 - 47; 3). Первая мировая империалистическая война 1914 - 1918 гг. (историческая справка). // Там же. 1939. № 13. С. 29 - 35; 4). Что такое ревизионизм? // Там же. 1939. № 22. С. 37 - 42; 5). Крах Версальской системы. // Ленинградская правда. 1940, 17 марта; 6). Якобинцы (исторический очерк). // Пропаганда и агитация. 1940, № 23. С. 30 - 38 и др.
5. Ревуненков В. Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л.: Изд. ЛГУ, 1957.
6. См.: Новейшая история. / Пособие для средней школы. М.: Учпедгиз, 1958. (Редактор и автор нескольких глав); Новейшая история стран Запада. / Уч. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1959. (То же); С. И. Ворошилов, В. Г. Ревуненков, В. К. Фураев. Новейшая история. Малые страны Западной Европы. Страны Латинской Америки. Канада. / Уч. пособие для пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1960. (Редактор и автор нескольких глав); Новая история. Ч. II. 1871 - 1917. / Учебник для пед. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1961. (То же) и др.
7. Очерки истории Италии. 476 - 1918 гг. / Пособие для учителя. М.:

Учпедгиз, 1959.

8. Ревуненков В. Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. /Допущено МВ и ССО СССР в качестве уч. пособия для гос. ун-тов СССР. М., 1963.

9. См.: Ревуненков В. Г. Якобинцы (исторический очерк). //Пропаганда и агитация. 1940, № 23. С. 30 - 38.

10. См., напр.: Ревуненков В. Г. 1). Санкюлоты и якобинцы. //Новая и новейшая история. 1969, № 3. С. 54 - 70; 2). Об аграрной политике якобинцев. //Вестник Ленинградского ун-та. 1973, № 2. С. 156 - 159; 3). Якобинцы и максимум. //Там же. 1973, № 8. С. 152 - 159; 4). Гибель эбертистов. //Вопросы истории. 1974. № 6. С. 133 - 145; 5). О социальной сущности движения эбертистов. //Новая и новейшая история. 1974. № 4. С. 56 - 69; 6). Коммуна Парижа и закон Конвента о максимуме. //Вестник Ленинградского ун-та. 1976. № 20. С. 47 - 53 и др.

11. См., напр., следующие отклики на работу В. Г. Ревуненкова «Марксизм и проблема якобинской диктатуры»: Рецензия А. И. Молока. // Новая и новейшая история. 1967, № 5. С. 174 - 176; Рецензия польского историка М. Скршипика. // Euhemer, 1968, № 2 (68). S. 114 - 119; Рецензия немецкого историка В. Маркова. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1972, N. 5. S. 631 и др.

12. Галкин И. С. Новая история Европы и Америки в советской историографии (1971 - 1976 гг.). //Новая и новейшая история. 1977, № 4. С. 153.

13. См.: Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории АН СССР, 20 - 21 мая 1970 г. //Французский ежегодник. 1970. М., 1972. С. 289, 291, 293, 295.

14. Цит. по: Бовыкин Д. Ю. А. В. Адо, профессор Московского университета. //Французский ежегодник. 2002. М., 2002. С. 165.

15. Подробный анализ критики взглядов В. Г. Ревуненкова см.: Комиссаров Б. Н. Проблемы Великой французской революции в трудах В. Г. Ревуненкова. //Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. /Межвузовский сборник. Л.: Изд. ЛГУ, 1981. С. 14 - 17.

16. См.: Далин В. М. Историки Франции XIX - XX веков. М.: Наука, 1981. С. 80 - 81. В упомянутой выше дискуссии в секторе истории Франции ИВИ, о докторе исторических наук, профессоре, заведующем кафедрой новой и новейшей истории Ленинградского университета В. Г. Ревуненкове В. М. Далин, основной докладчик на симпо-

зиуме, сказал так: «...в Ленинграде тов. В. Г. Ревуненков...»! //См.: Французский ежегодник. 1970. С. 281.

17. Летчфорд С. Е. В. Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре. //Французский ежегодник. 2002. М., 2002. С. 222.

18. См.: Ревуненков В. Г. О хронологических рамках Великой французской революции. //Вестник Ленинградского ун-та, 1979, № 14. С. 26 - 33.

19. См.: Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789 - 1814. /Изд. третье, дополн. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 21.

20. Там же. С. 503.

21. Там же. С. 471.

22. Там же. С. 503.

23. Там же. С. 20 - 21.

24. Ревуненков В. Г. Взлет и падение Наполеона Бонапарта. СПб.: Изд. СПбГУ, 2001. С. 4 - 7, 162.

25. Там же. С. 4 - 5.

26. Там же. С. 11 - 12.

27. Там же. С. 13.

28. См.: Ревуненков В. Г. К вопросу об особенностях и историческом значении английской буржуазной революции XVII века. //Вестник Ленинградского ун-та, 1964. № 2. С. 65 - 78.

29. См.: Ревуненков В. Г. Новое в изучении июньского восстания 1848 г. в Париже. //Вестник Ленинградского ун-та. 1977. № 20. С. 37 - 45.